Цховребова Мира Валентиновна.

к.ф.н., доцент кафедры английского языка.

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.4.59.40-46

IAN MCEWAN'S "DREAMS OF A FINAL THEORY". THE NOVEL "SATURDAY"

АННОТАЦИЯ

Статья представляет очерк нравственных исканий Иэна Макьюэна, основанный на анализе романа «Суббота» с позиций его интертекстуальной включенности в контекст традиционных и постмодернистских теорий либерализма, современных естественнонаучных, социологических и сциентистских теорий.

ABSTRACT

The article represents a study of McEwan's moral searching based on the analysis of the novel "Saturday" in terms of traditional and postmodern liberal theory, natural– scientific, and sociological theories.

Ключевые слова: Иэн Макьюэн, современный британский роман, теории либерализма, позитивизм, теория эволюции, социобиология, эволюционная психология, физикализм, Э. Уилсон, Р. Райт, С. Уайнберг

Key words: Ian McEwan, modern British novel, liberal theories, positivism, moral theory, sociobiology, theory of evolution, evolutionary psychology, physicalism, E. Wilson, R. Wright, S. Weinberg

Исследование природы эгоцентризма человека и возможностей ее преодоления – главная тема Иэна Макьюэна. Его литературная антропология сосредоточена на выявлении истоков, причин «безумства в темноте» (по выражению Исайи Берлина) современного человека, «преображенного наукой, подвластного учреждениям и всецело подконтрольного», замкнутого в потоке собственного сознания «среди торжествующей механизации и после недавнего краха радикальных надежд. В обществе, которое перестало быть сообществом и обесценило личность...». Такие, созвучные его собственным, размышления Сола Беллоу о человеке Макьюэн поставил в эпиграф к роману «Суббота», опубликованному в год смерти выдающегося американского писателя.

Заинтересованный читатель трудов эволюционных биологов и антропологов, Макьюэн позиционирует себя как атеиста и рационалиста: «Мне хотелось бы написать роман, – признается писатель, – в котором герой был бы наделен неколебимой верой в рациональность, но чтобы он при этом оказался прав. <...> Многие наши ценности, такие как справедливость, – безусловно, продукт рационального подхода. И я решил, что пришло время встать на защиту рациональности».

Характер рационализма писателя на настоящем этапе творчества восходит к дарвинизму и отечественному позитивизму, скорректированному в духе времени современной эволюционной биологией и антропологией, новейшим позитивизмом и сциентизмом: «Я придерживаюсь взгляда на то, что писательство, может быть, сродни научному исследованию».

В споре о человеке между наукой и искусством Макьюэн ищет последние ответы, ведет собственное «научное расследование», используя свой метод верификации – он выбирает выдающиеся классические художественные образы и научные идеи и сводит их в художественном пространстве своих романов как своеобразные «протокольные предложения».

За спиной Макьюэна – традиция английского либерализма, берущая начало в «Великой хартии вольностей» (1215) и «Билле о правах» (1689), и

оформленная в трудах британских эмпириков и позитивистов XVII–XX веков. От Бэкона, Гоббса, Юма, Локка («право на жизнь, личную свободу и собственность») и шотландской «школы здравого смысла» к позитивизму Джона Стюарта Милля, Герберта Спенсера, Чарльза Дарвина и аналитике «философа века» Бертранда Рассела – большая школа британской философии всегда ориентировалась на человека, решая главную задачу – «оказание помощи человеку в его практической деятельности». Наблюдая человека в его общественных отношениях, британские мыслители сформировали концепцию либерализма, которая веками, «и в горе, и в радости» питала и определяла национальный менталитет, общественное и художественное мышление британцев и, пережив в XX столетии «смерть Великих Нарративов», сохранила свежесть своих фундаментальных идей.

Английский философ и теоретик современной либеральной политической философии сэра Исайя Берлин – продолжая линию отечественной философии и, сохраняя в поле зрения кантовское определение предназначения философии как науки, обретающей смысл лишь в применении к человеку – писал в статье «Назначение философии»: «Цель философии остается всегда одной и той же – помочь человеку понять самого себя и тем самым жить при свете, а не безумствовать в темноте» [7,91].

Сквозь века, в перипетиях литературного процесса от античности и до наших дней, таковой остается и цель литературы. «Думаю, что я вовлечен в долгосрочный проект исследования человеческой природы», – говорит Иэн Макьюэн, обобщая свои искания и общее направление своего творчества.

Речь идет о «долгосрочном проекте», начало которому в Европе положил, как известно, Аристотель, озадачив человечество мечтой о «калокагатии» и возложив на него бремя необходимости восхождения к идеалу гармоничной личности – свободной, прекрасной душой и телом и политически мыслящей. В альпинистском походе за «золотым руном» калокагатии европейская религиозная и философская мысль столкнулась с двумя проблемами, неразрешимость которых ставила под вопрос саму

возможность достижения калокагатии – проблемой природы человека и проблемой свободы. Эти две ключевые проблемы на века определяют общее направление развития художественной, религиозной, философской и естественнонаучной мысли Европы, и обретут статус «проклятых», вопреки грандиозному историческому вкладу в их разрешение.

На родине Макьюэна большая дискуссия вокруг «природы человека» разрешилась, как известно, идеей общественного договора, а проблема свободы была редуцирована до «осознанной необходимости» и конкретики практической безопасности. Во всяком случае, именно проблемы личной безопасности и охраны собственности побудили Локка и Гоббса к обоснованию необходимости заключения общественного договора, ограждающего «всех от всех» – необходимости, обусловленной пониманием эгоистической и эгоцентричной природы человека.

С тех самых пор, то есть с начала Нового времени, моральная философия остается, по выражению британского историка философии Фредерика Коплстона, *«традиционно любимой темой английских философов»*. [12]

С тех же времен основная интрига английской литературы, ее главный конфликт, за редким исключением, привязан к социальной сфере и, прямо или косвенно, соотносится с моральными последствиями эгоцентричной природы человека, закованной в оковы «осознанной необходимости».

Контекст национальной либеральной и философской традиции определяет, в значительной степени формирует мировоззрение и творчество Иэна Макьюэна.

В благодарственной записке, предваряющей «Невыносимую любовь», Макьюэн называет имена известных современных ученых и мыслителей, ищущих интегральное обоснование животной природы человека и метафизики его духовности, *«более – чем – жизни»*, как говорил Георг Зиммель. Их влияние на мировоззрение Макьюэна еще больше ощутимо в вышедшем спустя 8 лет романе «Суббота».

В списке Макьюэна – выдающийся американский биолог Эдвард Уилсон (р.1929), основатель социобиологии – науки, изучающей основы социального поведения животных и человека и подготовившей концептуальные основы эволюционной психологии, психиатрии и антропологии. Автор революционной теории «репродуктивного императива», изложенной в «эпохальных», по выражению Роберта Райта, трудах «О природе человека» (1978), «Биофилия» (1984), «Разнообразие жизни» (1992) и др. Следуя Дарвину, Уилсон выдвинул базовую для социобиологии категорию «репродуктивного императива» – начального принципа эволюции животного мира и человека, «энтелехии»

живой жизни (подобно «жизненной силе» Шопенгауэра, «воли к власти» Ницше, «жизненного порыва» Бергсона). Согласно концепции Уилсона, «репродуктивный императив» реализует себя в безостановочной «устремленности» генов к самовоспроизведению и адаптации посредством «слепо» вырабатываемых механизмов, обеспечивающих их безопасность и жизнеспособность в процессе естественного отбора и эволюции. Работу механизмов адаптации, заданную репродуктивным императивом, Уилсон распознает и в природе социальности человека, в культуре и этике (учение о гено-культурной коэволюции), в природе альтруистического поведения, парадоксальным образом *«повышающего эволюционное благополучие другого существа в ущерб собственному»* [18].¹ Теория гено-культурной коэволюции и более частная концепция альтруистического поведения вывела в восьмидесятые годы Уилсона на просторы биофилии. В 1984 году он пишет «Биофилию» – апологию любви ко всему живому, вследствие *«естественного сродства человека со всем многообразием животной жизни»*.

Макьюэн часто цитирует и ссылается на Уилсона в романах и интервью. Так, мысленный диалог с Уилсоном о границах биофилии ведет герой «Субботы» Макьюэна, чувствуя себя палачом, выбирая в витрине рыбного магазина рыбу на ужин: *«Современному человеку все сложнее жить – беспрерывно расширяется круг объектов сострадания. Теперь наши братья и сестры не только жители дальних стран, но и лисы, и лабораторные мыши, а теперь еще и рыбы»* [2,182].

Идеи Уилсона близки Роберту Райту (р.1957) – другому имени в списке Макьюэна – известному американскому журналисту и эволюционисту, преподавателю Принстонского университета, автору книг об эволюционной психологии, истории, религии, теории игр, среди которых книга, на которую ссылается Макьюэн – «Моральное животное. Почему мы такие, какие мы есть. Новый взгляд эволюционной психологии» (1994). В основу своей увлекательной и остроумной книги Райт положил историю судьбы Чарльза Дарвина как иллюстрацию его собственной теории естественного отбора, и как подтверждение тезисов современной эволюционной психологии и антропологии – *«чтобы показать, насколько изящно теория естественного отбора обрисовывает контуры человеческого мышления»*. [16, 8]

Как и Уилсон, Райт убежден, что *«эволюция человеческих существ в большой степени состояла в адаптации друг к другу»*, что *«альтруизм, сострадание, сочувствие, любовь, совесть, чувство справедливости ...имеют твердый генетический базис»* [15,19]. Эволюционную психологию как новую естественнонаучную парадигму Райт

¹ Заметим, что задолго до Уилсона идею генезиса культуры как результата адаптации человека к условиям среды выживания сформулировал Дарвин европейской философии Фридрих Ницше, определив че-

ловека как «слабое, несостоявшееся животное, обреченное на поиск противоестественных способов существования», к коим, безусловно, он относил и художественную культуру.

уподобляет *«очень мощной лупе для изучения человеческого вида»*. Новый взгляд на людей, пишет Райт в «Моральном животном», – полагает их *«видом, обладающим великолепным набором моральных инструментов, но трагически склонным использовать их не по назначению»* [15,10].

Личность подобная Райту, сочетающая научные интересы со вкусом к сочинительству, по всей видимости, весьма импонирует Макьюэну, во всяком случае, похоже, именно Райт, по роду занятий и интересов, послужил прототипом личности Джо, главного героя «Невыносимой любви».

Еще одно имя в списке Макьюэна – Антонио Дамасио (1949), американский нейробиолог и поведенческий невропатолог, автор «нейрофизиологического бестселлера» 1994 года «Ошибка Декарта: эмоция, разум и человеческий мозг». Автор гипотезы соматического или телесного маркера, Дамасио оспаривает Декартово понимание сознания как единственного источника принятия разумных решений. В подтверждение своей гипотезы Дамасио экспериментально доказал исключительную роль эмоций (бессознательных *«определенных состояний тела»*) в принятии решений. Пояняя гипотезу телесных маркеров, изложенную в книге 2003 года «В поисках Спинозы: радость, печаль и чувствующий мозг», Дамасио, в интервью от 15 августа 2010, говорит о нейробиологических основах этики и об эмоциональной природе морального поведения [11].

Макьюэну близка теория Дамасио, объясняющая природу эмоционального состояния и преступного поведения человека болезнями мозга – тезисы Дамасио он использует в интерпретации поведения Джеда в «Невыносимой любви» и Бакстера в «Субботе».

Адаптация друг к другу как фундаментальное условие эволюции человеческих существ, «радикальный императив» гуманизма, *«альтруизма, сострадания, сочувствия, любви, совести, чувства справедливости»*, эмоциональная природа морали – таковы «протокольные предложения», «последние научные истины», в контексте которых писатель Иэн Макьюэн разворачивает свою концепцию человека.

«В трудах современных палеонтологов и биологов-эволюционистов можно обнаружить проблемы, которые так знакомы физикам, – пишет выдающийся американский физик-теоретик, Нобелевский лауреат 1979 года Стивен Уайнберг, – Используя теорию естественной эволюции, биологи имеют дело с поразительно успешной теорией, которая, однако, далеко не завершена, чтобы объяснить все факты». [17,155]

«Существующие теории ограничены, они все еще не полны и не окончательны, – пишет Уайнберг, – Но за ними, здесь и там, мы улавливаем проблески окончательной теории, которая будет иметь неограниченную применимость, и будет полностью удовлетворять нас своей полнотой и согласованностью» [18,6].

В списке Макьюэна всемирно известная диатриба Стивена Уайнберга «Мечты об окончательной

теории» (1992), в которой, на широком историческом фоне от досократиков до Суперколлайдера, в живой и глубоко личной форме, Уайнберг представляет историю движения европейской научной мысли в поисках окончательной теории – *«начальной точки, к которой можно свести все объяснения»*. *«Хотя мы и не знаем, как могут выглядеть окончательные законы или сколько лет пройдет, прежде чем они будут открыты, все же мы полагаем, что уже в современных теориях улавливаются проблески контуров окончательной теории»* [17]. Так Людвиг Витгенштейн искал *«универсальное уравнение»*, которое *«могло бы дать философии то, что дало математике введение символов»*. Так Рудольф Карнап стремился к созданию *«единой научной теории»* – *«фундаменту единой науки»*.

«В физике, – пишет Уайнберг, – мы надеемся открыть несколько простых общих законов, которые объяснили бы, почему мир такой, какой он есть» [17, 39]

Возможно, обаяние идей и стиля Уайнберга вдохновило Макьюэна на поиск собственной *«окончательной теории»* человека – универсального уравнения гуманизма и либерализма как ответа на сакраментальный вопрос о том, как по совести поступать с «другим», покушающимся на твой образ жизни, на саму твою жизнь и собственность, и, в конце концов – как по совести поступать с рыбой. В жанре романа, с его *«уникальной возможностью проникнуть во внутренний мир собеседника»*, писатель видит идеальное пространство для поиска ответов на вечные вопросы. Подобное идеальное пространство Макьюэн создал в «Субботе».

«Суббота» (2005), пожалуй, самый значительный на сегодня роман Макьюэна, с наибольшей полнотой запечатлевший зрелость художественного мастерства писателя и его размышлений о человеке.

Макьюэн измеряет человека бесстрастным взглядом эволюциониста и видит в нем то самое «моральное животное», о котором писали Эдвард Уилсон и Ричард Райт, обосновав, похоже, его собственные прозрения. Человек Макьюэна – животное, подгоняемое агрессивным инстинктом выживания, тонко организованный, «продуманный» Естественным Отбором «пищеперерабатывающий комбинат», обреченный на сизифов труд неустанного поиска пищи. Но, кроме того, человек – животное, разомкнувшее пищевую цепочку и возвысившееся над ее бесстрастными императивами, благодаря ничтожнейшей против его животного естества толике Духа – издержке или благословения? его собственной эволюции. Животное, получившее в процессе эволюции инстинктивного разума способность к самосознанию и осмыслению своих инстинктов. Моральное агрессивное животное – средоточие напряженного противостояния устремлений его Духа и Плоти. Канат, протянутый над пропастью. Переход. Заточенный и безумствующий во тьме лабиринта своего эгоцентричного подсознания Тавр, ждущий свою Ариадну. Ессе Номо! Таким Макьюэн видит человека. В темный

Ид его инстинктов он стремится проникнуть. Работу его интеллекта, преобразующего инстинкты в чувства, стремиться постичь, чтобы понять, *«почему мы такие, какие мы есть»*. Предмет его наблюдения – неустанная познавательная работа рационального ума, который не только отражает и синтезирует действительность, но и осмысляет свою животную природу. Его любопытство разогрывает вопрос вопросов – является ли толика или искра Духа, имманентно присущая человеку, неизменной величиной или растущей, разрастающейся по мере дальнейшей эволюции? Возможна ли здесь перспектива? Или человек обречен навсегда оставаться животным, пусть и моральным, в определенной степени?

Вероятность получения последних ответов Иэн Макьюэн видит в союзе литературы с современной наукой о человеке.

«Суббота» - роман об одном дне, одной субботе, к примеру, 15 февраля 2003 года, обыкновенного человека рубежа XX–XXI веков. Не верящего ни в бога, ни в черта, не доверяющего журналистам, политикам и утопистам – *«Бойтесь утопистов, ревностных искателей пути к идеальному обществу строю»* - и не ищущего опоры вовне, под *«обезбоженными небесами»* (С. Малларме) своей эпохи – *«трудные времена – так пишут газеты. Редкий случай, когда газеты правы»* [2, 393].

Генри Пероун - успешный врач-нейрохирург, счастливый глава прекрасной семьи, своими руками построивший свой маленький счастливый мир, который теперь подвергается реальной угрозе: *«Они снова здесь, тоталитаристы всех форм и мастей: пока еще слабые и разрозненные, они растут, набираются сил и жаждут крови миллионов»* [2, 388].

Его общественное кредо - нейтралитет: *«у него, как и у каждого человека, есть право жить своей жизнью, не беспокоясь о том, что творится в мире – или даже на улице. Забыть про вселенную, наплевать на все мировые проблемы и сосредоточиться на своих делах – что может быть важнее этой возможности?»*. [2, 159] В подобном взгляде на жизнь, полагает он – *«и есть свобода мысли»*.

Генри Пероун – инфицированный вирусом социального нигилизма человек эпохи «конца социального»: *«После гибельных экспериментов недавно опочившего столетия, <...> на вопросы справедливости и перераспределения благ трусливо наложено вето агностицизма. Больше никаких великих идей. Если так уж необходимо улучшить мир – пусть он улучшается постепенно. <...> Эпоха пророков кончилась»* [2, 109].

Герой Макьюэна в курсе, что Левиафан зондирует его щупальцами своих симулякров: *«примета времени – информация сужает интеллектуальную свободу, не оставляя простора для фантазии»* [2, 256]. Он видит свое отражение в кровавом зоре Левиафана и осознает всю свою незначительность и бессилие повлиять на ход событий: *«Наивно полагать, что ты можешь что-то изменить»* - лейтмотив социальной позиции Пероуна [2, 257]. Его внутреннее смятение отражается в ключевых

вопросах: *«Что дальше?»*, *«Что же теперь?»* и главной задаче - уберечь свои достижения, не утратив человеческого лица. *«Мир поднял хлыст»* и держит Пероуна в непрерывном болезненном напряжении, *«пугает до головокружения»* - войска уже переброшены в Залив, в Хитроу стоят танки, а джихадисты угрожают устроить в Лондоне атаки смертников. Многотысячный марш протеста против вступления Великобритании в войну в Ираке заставит Пероуна слегка отклониться от привычного субботнего маршрута и случайно вовлечет в большие неприятности.

Его собственное отношение к вопросу двойственно: он *«не знает, что думать о предстоящем вторжении»*. История его пациента Мири Талеба – эмигранта из Ирака, склоняет Пероуна поддержать вторжение. Разве не это имел в виду еще Джон Стюарт Милль, когда писал в эссе «О свободе»: *«Единственная цель, которая служит оправданием для вмешательства одних людей, индивидуально или коллективно, в деятельность других людей, – это самозащита»*? [14] Спустя сто лет, в середине XX века *«право насильственного подтягивания отсталых стран до уровня развитых»* подтвердит Уолт Ростоу в скандально известном бестселлере 1960 года «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» [16], а вслед за ним - Фрэнсис Фукуяма в «Конце истории и последнем человеке» (1992) – апологии либеральной демократии как *«логического финала человеческой эволюции»* и как итога поисков *«наилучшего решения человеческой проблемы»* [20]. Носителем идей Ростоу и Фукуямы в романе предстает американец Джей Стросс, приятель и коллега Пероуна: *«Ирак – насквозь прогнившая страна, естественный союзник террористов. Значит, надо разделаться с ним. «Разделаться», означает освободить и демократизировать»*. Либеральная чувствительность натуры Пероуна не приемлет подобного радикализма, она требует морального обоснования любого деяния, в том числе и политического. (Мораль и политика – вечная проблема либерального умонастроения, незавершенная полемика вождей либерализма *«опочившего столетия»* Милля и Сэмюэля Смайла)

Происходящее в мире обостряет чувство социальной ответственности героя, порождает ощущение вины от собственной беспомощности перед лицом таящихся в нем угроз – *«Виновен в том, что беспомощен. Беспомощно виновен»* [2, 37]. Проблема Пероуна в этом чувстве беспомощности: он *«забыл о разумном скепсисе, запутался в противоречивых мнениях и уже не способен мыслить ни здраво, ни, что еще хуже, самостоятельно»* [2, 257], и, главное - теряет контроль над своей правильной и счастливой жизнью. *«Бог операционной»*, за стенами больницы он – обычный уязвимый маленький человек, который, воздвигнув баррикаду двойных входных дверей, тщит укрыться за ними от внешних угроз. Пероун не встанет в ряды демонстрантов pro или contra – но иметь свое мнение.... Чтобы не чувствовать себя земляной блохой. Отсюда его *«глубоко запрытанное недовольство»*

собственной жизнью», томление духа и нериторическое вопрошание: «может в жизни есть еще что-то, кроме спасения чужих жизней», задающие внутреннее напряжение и драматизирующие личность Генри Пероуна. Макьюэн называет подобное состояние «тревожностью сознания либерала» (*“liberal intellectual anxiety”*), жаждущего надежной моральной опоры в мире, потерявшем, по выражению Делеза, свой стержень, и обретающего ее в науке и личной жизни.

Такой типаж, к слову, описывает американский физик Джеральд Холтон, анализируя в статье «Что такое «антинаука»?» черты современного («модернистского») человека: «высокая оценка значения науки и рациональности как таковых, и в частности, убежденность в исчисляемой, предсказуемой каузальной законосообразности физической и живой природы», и, кроме того, «приверженность родственным связям и семейным обязанностям»?[21]

Типизируя своего героя как обычного интеллигентного человека среднего класса, Макьюэн вооружает его рациональным складом ума и передает ему свою собственную увлеченность эволюционной биологией, сциентизмом и физикализмом: «если бы меня призвали создать религию, я бы создал ее из эволюции». «В человеческих отношениях немало такого, что прекрасно объясняется на уровне сложных молекул, – размышляет Пероун, – Кто возьмется подсчитать ущерб, нанесенный любви, дружбе, надеждам на счастье из-за повышенного или пониженного содержания того или иного нейротрансмиттера? И кто станет искать этику и мораль среди энзимов и аминокислот, если принято смотреть совсем в другом направлении» [2,135].

Апофеозом веры Пероуна в науку являются его размышления в заключительной части романа: «Наука движется вперед, но никто еще не объяснил, каким образом килограммовая блямба мокрого мяса, надежно запечатая в черепе, кодирует информацию, как хранит в себе опыт, воспоминания, желания и сны. Генри не сомневается: рано или поздно – хотя, наверное, не при его жизни – тайна мозга будет раскрыта. Так же, как разгаданы цифровые коды воспроизведения жизни в ДНК. Но и тогда чудо останется чудом: никакие цифры не объяснят, как способно скопище нервных клеток создать чудесный внутренний кинотеатр, яркую иллюзию реальности, вращающуюся вокруг другой иллюзии – призрачного «я». Можно ли объяснить, как материя становится сознанием?» [2, 361]

В интервью Задии Смит Макьюэн говорил о том, что представляется ему особенно важным в писательстве: «Мне интересно показать, в художественной форме, конечно, каково это – думать. Или что это значит – сознавать, чувствовать, или каково это быть обреченным на неполноценную

чувствительность. И насколько это сложно – одновременно видеть и понимать все, что происходит вокруг тебя, и еще – как наш опыт соотносится с реальностью и насколько наша воля искажает наше восприятие. Вот что я нахожу интересным» (перевод мой – М.Ц)[31]²

Главным событием субботы Генри Пероуна является встреча с уголовником Бакстером, которая обернется для Пероуна настоящим испытанием всех его принципов и веры в себя: «В чем, собственно, он уверен? ... Он слаб, он так мало знает, он боится непредсказуемых последствий, порожающих новые действия, новые последствия, пока не оказываешься там, куда вовсе не предполагал и не желал попасть – с ножом у горла» [2,395].

Литературный обозреватель Джеймс Брэдли отмечает, как характерную черту произведений Макьюэна, введение в сюжет случайного происшествия – «неожиданного, атактистического, неконтролируемого» – которое вторгается в комфортабельный мир героев и дестабилизирует его. [27]. Композиционный прием, на который обращает внимание Брэдли, связан с отношением Макьюэна к жизни как череде счастливых и трагических случайностей. В интервью разных лет он заявляет: «Я не верю в судьбу. Отчасти потому, что не верю в Бога, поэтому я считаю, что жизнь состоит из счастливых и трагических случайностей». «По чистой случайности вы оказываетесь там, где оказываетесь, и другие тоже. Тысячи вещей влияют на это. Случайность проявляет бессмысленную randomness жизни». Так и его герой не верит ни в бога, ни в судьбу – верит в науку и в случай («так легли кости»). Жизнь, в его понимании – тонкое сочетание физических законов и чистой случайности, «невообразимого множества совпадений, стоящих за каждым событием».

Так, в прекрасный дом Пероуна, легко преодолев надежные двойные входные двери, вторгаются выследившие его хулиганы, с которыми он случайно столкнулся утром по пути на игру в сквош – «по чистой случайности вы оказываетесь там, где оказываетесь» - и, угрожая ножом, бесчинствуют в его гостинице, унижая его семью. Дорожное происшествие оборачивается злостью, поставившим под угрозу жизнь Пероуна и членов его семьи.

В «Субботе» нравственный аспект необходимого ответного насилия – моральный казус, безотносительно к религии – вновь в центре внимания Макьюэна. Мысли о терроризме и войне в связи с Ираком, о правомерности применения насилия, как отмечалось выше, не оставляют его героя на всем протяжении романа. Однако размышления Пероуна о реальных угрозах и возможных последствиях до вторжения Бакстера носили отвлеченный, умозрительный характер: Ирак – далеко, входная дверь – двойная. Теперь, когда Пероун непосредственно, лицом к лицу сталкивается с жестокой агрессией,

² Макьюэн, в сущности, ставит проблемы, над которыми сегодня работает философия сознания и размышляет австралийский философ Дэвид Чалмерс в

“The Conscious Mind” – каким образом и почему физический процесс переработки информации дает начало внутренней жизни, субъективному опыту, квалиа. [22].

ему уже не остаться в стороне – ситуация требует от него немедленного решения, поступка. В аналогичной ситуации герой «Невыносимой любви» Джо Роуз без колебаний стреляет в психопата Перри. Пероун в «Субботе» тоже действует, как подобает мужчине – защищает свою семью. Ответом на агрессию вновь становится встречная агрессия – порочный круг, в который против воли вступает Генри Пероун, как раньше Джо Роуз. Как и в «Невыносимой любви», агрессор – психически больной человек, по имени Бакстер. Пероун дает отпор Бакстеру, в результате чего тот, с травмой головы, попадает («по странной случайности») в больницу, в которой работает Пероун. Понятно, что именно Пероуна вызовут на операцию, с которой он, как и обычно, блестяще справится. Итогом субботы станет еще одна спасенная жизнь – в этот раз жизнь обреченного агрессивного дегенерата.

Эпизод вторжения содержит ключевой момент. По глумливому требованию Бакстера, напуганная до смерти, хрупкая нежная поэтесса Дейзи, дочь Пероуна, принуждена прочитать свои стихи. Из внутреннего протеста и по неведомому движению души она читает «Дуврский берег» Мэтью Арнольда. Следует отметить, что «Дуврский берег», исполненный экзистенциальной тревожности и предвосхитивший важнейшие умонастроения современности, латентно определяет общую духовную атмосферу «Субботы»: *Встарь Море Веры/В приливе омывало берега/Земные, словно яркий пояс в блестях./А нынче... (пер. Д. Донского). О «Дуврском берегу» с большим чувством размышлял и Стивен Уайнберг в XI главе своей книги: «Около полутора веков назад Мэтью Арнольд увидел в океанском отливе прекрасную метафору, описывающую угасание религиозного чувства, и услышал в звуках воды «ноту печали». Было бы замечательно обнаружить в законах природы план, заготовленный заинтересованным Создателем, в котором человеческим существам отводилась бы специальная роль. Я испытываю печаль, когда высказываю сомнение в этом»* [«А как насчет Бога», 17, 160].

«Ноту печали» услышит и смертельно больной Бакстер, чтобы, быть может, впервые в жизни, перед лицом вселенской печали Мэтью Арнольда понять, что он, Бакстер, не одинок в своем страдании: *«Какой-то поэт девятнадцатого века (надо бы разузнать, кто он вообще такой, этот Арнольд) затронул в Бакстере струну, которой он, Пероун, даже не может подобрать определения. Отчаянная жажда жизни, жажда восприятия, познания и действия проснулась в нем в тот самый миг, когда дверь сознания уже начала захлопываться, отделяя его от мира»* [2,397].

Наблюдая реакцию Бакстера и его пробуждающуюся человечность, Пероун распознает в нем жертву, «биологического неудачника» – несчастного человека, «безумствующего во тьме» смертельной болезни, и безмерно одинокого в своей обреченности. Ярость уступает чувству сострадания и Пероун решает, что *«нельзя допустить, чтобы последние свои дни он провел в камере, дожидаясь нелепого суда»* [2,397].

Человечность порождает человечность, а что порождает агрессия? Чего ожидать от морального животного? Как врач и гуманист, он знает, что может изменить, или даже спасти жизнь «биологических неудачников», извлечь их из «мусорной свалки естественного отбора», как писал Роберт Райт. Но Пероун также понимает: *«Никакая социальная справедливость не излечит и не рассеет эти армии биологических неудачников»*. Как же быть, в таком случае? *«Остается научиться распознавать несчастье, когда его видишь, и заботиться об этих без вины виноватых, ...по возможности уменьшать страдания»* [2,388]. Здесь можно говорить об эмпатии, т. е. о сопереживании и сочувствии как категории нравственности, впервые сформулированной Фрейдом, и на которую ссылаются зарубежные и отечественные литературоведы и критики в связи с творчеством Макьюэна [11, 24].

Иеремия Бентам назвал бы такое отношение принципом *«наибольшего счастья наибольшего числа индивидуумов»*, и бодро призвал бы Пероуна к *«достижению личного преуспевания, увеличивающего общую сумму счастья»*. Карл Ясперс сказал бы о *«любящей борьбе»* – борьбе не *«всех против всех»*, а *«друг за друга»*. [23]

Только как же быть с *«тоталитаристами всех форм и мастей»*, которые *«набираются сил и жаждут крови миллионов»*? Этих не одолеть ни *«любящей борьбой»*, ни *«мудрой лояльностью»*, ни *«Дуврским берегом»*. Им не поможет и оперативное вмешательство. Так, *«что же делать?»* и *«что дальше?»*, когда и Лондон, и Тегеран *«ждут своей бомбы»*...

На эти вопросы у Пероуна ответа нет, как нет его и у Иэна Макьюэна. Рамочная конструкция романа завершается ровно там, где начинался этот субботний день Генри Пероуна – *on a darkling plain* супружеской постели. *Ah, love, let us be true/ To one another! «Нет ничего, кроме этого»* – черта, которую Генри Пероун подводит в завершении дня. *«Ведь мир... – угрюм, безрадостен, уныл, В нем ни любви, ни жалости; и мы, Одни, среди надвинувшейся тьмы, Трепещем»*. Нет ничего, нет рецепта спасения, нет Бога и, значит, нет надежды – слышен лишь *«один тоскливый и протяжный рев отлива...»*. Впереди только старость и смерть, *«записанная в хрупких протеинах»*.

В середине прошлого Карл Ясперс писал о человеческом уделе: *«Невыполнимая и все-таки единственная задача, которая остается еще сегодняшнему человеку, состоит в следующем: найти перед лицом ничто, на свой страх и риск, исходя из своих истоков, путь, на котором жизнь, невзирая на всю рассеянность в беспокойном метании, станет целостностью»*. Свою мысль Ясперс завершил в духе экзистенциалистского гуманизма – *«Как во времена мифических героев, все теперь как бы зависит от отдельного человека»* [23].

От отдельного человека теперь ничего не зависит, возражает Иэн Макьюэн. Пространство жизни редуцировалось до личной жизни, дома, семьи – единственной и бесспорной ценности *«перед лицом ничто»*: *«Нет ничего, кроме этого»*. Он и она. *«Одни, среди надвинувшейся тьмы/Трепещем»*...

Пероун и Розалинда – Пенелопа его возвращения из одиссеи одного дня. Да, и, разумеется, есть еще работа по зову сердца – не худший удел во все времена. Филемон и Бавкида долгих исканий Фауста.

Это ли тот путь, «на котором жизнь, невзирая на всю рассеянность в беспокойном метании», может стать «целостностью»? Осилит ли простая житейская мудрость, с которой «вернулись из своих мысленных странствий» Генри Пероун и Иэн Макьюэн, путь к целостности жизни?

В сумерках февральской субботы Генри Пероуна проступают очертания воскресенья: «Быть может, утро возродит в нем надежду на решительные действия. Сейчас он ощущает лишь страх» [2,395]. Быть может, не все так безнадежно. И, похоже, вся надежда на некую загадочную, дарованную природой моральному животному «струну», «которой он, Пероун, даже не может подобрать определения». Быть может она из того «великолепного набора моральных инструментов», о котором писал Роберт Райт – инструмент адаптации, созданный эволюцией. Быть может, в ней ответ на проклятые вопросы?

«Генри не в силах представить даже мало-мальски удовлетворительного ответа, но знает: однажды эта тайна раскроется – через десятки, может быть, сотни лет, если только останутся на земле ученые и научные институты. Путешествие уже начато, в лабораториях не так далеко от этой операционной кипит работа, и однажды трудный путь завершится. В этом Генри не сомневается. В сущности, это его единственная его вера. В подобном взгляде на жизнь есть величие» [2,361].

Мечта об окончательной теории человека не оставляет сциентиста. Наука продолжит свое восхождение в глубину природы человека, чтобы ответить на последний вопрос – проклятый вопрос о природе души морального животного. С такой надеждой расстается со своим героем Иэн Макьюэн, британский писатель, выразивший в романе «Суббота» тревожную атмосферу своего времени и его доминирующие уmonoстроения.

Список цитируемой литературы

1. Макьюэн Иэн. Невыносимая любовь / И. Макьюэн; пер. с англ. Э. Новикова. – М.: Эксмо, 2007.
2. Макьюэн Иэн. Суббота / И. Макьюэн; пер. с англ. Н. Холмогорова. – М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2007.
3. McEwan, Ian. Saturday – London, Vintage Books, 2006
4. McEwan, Ian. Atonement – London: Vintage Books, 2002.
5. Макьюэн И. Искупление; / пер. с англ. И. Дорониной. – М.: Эксмо, 2007.
6. Беллоу, Сол Герцог. – Penguin Classics, 2003
7. Берлин И. Назначение философии. Вопросы философии. – М.: Наука – 1999–№ 5. – С. 91–98.
8. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр: [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.

9. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального. – Екатеринбург, изд. Уральского Универ., 2000. – 68 с.

10. Дамасио, А. // Интервью с Антонио Дамасио. – [Электронный ресурс] – режим доступа integral.livejournal.com

11. Джумайло О. За границами игры: английский постмодернистский роман. 1980-2000 // Вопр. лит. – 2007- №5 - С.7-45.

12. Коплстон Ф. История философии. XX век. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. 269 с.

13. Милль, Дж. Ст. О Свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половины XX века); пер. с англ. А. Неведомский. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 288–392.

14. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике. – М., 2000. С.164–232.

15. Райт Р. Моральное животное. Почему мы такие, какие мы есть. Новый взгляд эволюционной психологии; пер. с англ. А. Протопопов – М., 2007. – 104 с.

16. Ростоу У. Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест; пер. с англ. В. Марченко. – Нью-Йорк: Прегер, 1961. – 242 с.

17. Уайнберг, С. Мечты об окончательной теории; пер. с англ. А. Берков. – Едиториал URSS, 2004. – 253 с.

18. Уилсон, Э. О природе человека; пер. с англ. Т. Новикова. – М.: Кучково поле, 2015. 352 с.

19. Фуко, М. Воображаемое текста. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – М.: Прогресс, 1977

20. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек; пер. с англ. М. Левин. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.

21. Холтон, Дж. Что такое «антинаука»? / пер. с англ. Толстов А. Б. // Вопросы философии – 1992 – №2 – с.26–58

22. Чалмерс, Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. – М.: URSS, 2013. – 513 с.

23. Ясперс К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. М., 1994. – с.288–418.

24. Bradbury, M. The modern British novel. 1878–2001 / M. Bradbury. – London: Penguin books, 2001.

25. Bradley, A. The New Atheist Novel: Literature, Religion, and Terror in Amis and McEwan // The Yearbook of English Studies: Vol. 39. Literature and Religion. 2009. №1/2. P. 20–38.

26. McEwan I. Conversations with Ian McEwan / edited by Ryan Roberts. – University Press of Mississippi, Jackson, 2010. – 212 p. Reviews:

27. Bradley, James. A Detailed Life in the Day. Saturday, by Ian McEwan. The Age, February 12, 2005. [Электронный ресурс] – режим доступа allreaders.com.

28. Kirsch, Adam. A Thoughtful Novel for a Panicky Time / Saturday, by Ian McEwan. The Sun (New York), March 2, 2005. [Электронный ресурс] – режим доступа www.andyross.net

29. Smith Zadie. The Believer – Zadie Smith Talks with Ian McEwan. August 2005 [Электронный ресурс] – режим доступа www.believermag.com